

Статистический мониторинг животноводства в Сибири в 1930-е гг.

В.А. ИЛЬИНЫХ, доктор исторических наук. E-mail: agro_iwa@mail.ru
Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Аннотация. В статье реконструируется система статистического мониторинга поголовья сельскохозяйственных животных в Сибири в 1930-е гг. В предыдущее десятилетие основным способом определения его количественных параметров были выборочные сельскохозяйственные переписи, проводимые методом опроса. В начале 1930-х гг. произошел отказ от подхода, основанного на принципах земской статистики. Внешний мониторинг был заменен ведомственным учетом. Установлено, что радикальная перестройка привела к существенному ухудшению качества статистики животноводства. Систему учета поголовья скота, которая могла достаточно объективно отразить его динамику и сдвиги в организационно-производственной структуре, удалось наладить лишь во второй половине 1930-х гг. Основным способом определения количественных параметров животноводства стали сплошные переписи скота, проводимые методом похозяйственного пересчета. Автор приходит к выводу, что советская статистика во второй половине 1930-х гг. в части определения динамики поголовья скота была достоверной и репрезентативной.

Ключевые слова: сельское хозяйство; коллективизация; государственная статистика; животноводство; история статистики; Сибирь

Постановка проблемы

Анализ развития сельского хозяйства входит в число базовых задач экономической истории, а среди его отраслей животноводство относится к ключевым. Главным источником для изучения его количественных параметров служат материалы опубликованной статистики, которые основываются на результатах обработки данных, полученных в ходе статистического мониторинга аграрного сектора экономики. Интегральный показатель развития животноводства – численность скота, позволяющая репрезентативно определить не только динамику отрасли, но и ее организационно-производственную структуру.

Одним из наиболее значимых вопросов современной отечественной историографии являются социально-экономические последствия коллективизации. В частности, дискуссионный характер имеет проблема достоверности советской статистики. Задача настоящей работы состоит в реконструкции системы

государственного статистического мониторинга поголовья основных видов сельскохозяйственных животных (лошадей, крупного рогатого скота (КРС), в том числе коров, свиней, овец и коз) в Сибири в 1930-е гг.

Сельскохозяйственная статистика в 1920-е годы

В 1920-е гг. абсолютно преобладающей организационно-производственной формой сельхозпроизводства в Сибири и в стране в целом были крестьянские хозяйства. На получение данных об их развитии были направлены основные усилия статистических органов. Регулярный мониторинг базовых количественных показателей крестьянских хозяйств, включая поголовье скота, осуществлялся в рамках выборочных комплексных сельскохозяйственных переписей. Переписи и иные статистические обследования деревни в 1920-е гг. проводились под руководством специалистов, имеющих дореволюционный опыт работы и на основе наработок земской статистики.

Осенью 1920 г. прошла Всероссийская сельскохозяйственная перепись, весной 1921 и 1922 гг. были проведены опросы отдельных крестьянских хозяйств, весной 1923, 1924, 1925 и 1926 гг. – выборочные сельхозпереписи, весной 1927, 1928 и 1929 гг. – выборочные обследования отдельных хозяйств. В рамках переписи 1920 г. в Сибири опрашивалось около четверти крестьянских хозяйств. Выборка весенних опросов 1921 и 1922 гг. составляла 3%, переписей 1923, 1924 и 1925 гг. – 5%, переписей и обследований 1926, 1927, 1928 и 1929 гг. – 10% хозяйств [Историческая энциклопедия..., 2009. С. 54, 55]. Помимо собственно крестьянских дворов, в выборку переписей включались приусадебные хозяйства проживающих в сельской местности рабочих и служащих, а также жителей городских поселений, уплачивающих сельскохозяйственный налог.

Сельхозпереписи в 1920-е гг. осуществлялись переписчиками методом личного опроса дворохозяев в сельсовете. Затем его результаты публично оглашались на сельских сходах и при необходимости корректировались. Таким образом достоверность опроса проходила двухуровневую проверку: сначала работниками сельсовета, а затем односельчанами. Следует отметить, что дореволюционные земские статистики, исходя из своего

понимания психологии крестьян, полагали, что на сходе они обязательно напомнят своим «забывчивым» соседям о наличии не указанного при опросе имущества или скота.

Для получения общих итогов сведения, полученные в ходе выборочных переписей, распространялись на всю генеральную совокупность путем умножения среднестатистических параметров обследованных крестьянских хозяйств на их общее количество.

Данные о параметрах крестьянских хозяйств также собирались финансовыми органами в рамках налогового учета, который фактически был сплошным, но фиксировал только объекты обложения. Например, вне внимания финорганов, оставался молодняк скота, так как сельхозналогом облагался только взрослый скот. Облагаемое имущество фиксировалось работниками сельсоветов со слов налогоплательщика, а затем обнародовалось путем оглашения списков с данными на сельских сходах или их вывешивания в сельсоветах. После окончания учетной кампании финорганы проводили выборочную проверку показаний налогоплательщиков в отдельных селениях, число хозяйств в которых должно было составлять не менее 1% от их общего количества в округе [Обложение..., 1928. С. 28].

Результаты сельхозпереписей изначально считались вполне репрезентативными. Однако сопоставление по одноименным хозяйствам карточек весенних опросов с материалами начатых в 1923 г. систематических бюджетных обследований показало, что респонденты-крестьяне в ходе переписей приуменьшают размеры посевных площадей и поголовье скота. Обследования крестьянских бюджетов считались более надежным источником, поскольку проводились тщательнее, медленнее и более квалифицированным персоналом, чем «мимолетные» опросы. Более высокой была и «правдивость» владельцев бюджетных хозяйств.

Объясняя факт недоучета в ходе сельхозпереписей, специалисты писали: «В данное время население во всех проводимых статистическими органами и другими ведомствами обследованиях, учетах и т.д. видит налоговые цели и всячески старается умалить ту часть своего хозяйства, которая, по его мнению, является объектом налоговых тягот¹».

¹ Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 464.

С середины 1920-х гг. при публикации материалов сельхозпереписей данные о посевных площадях в крестьянских хозяйствах стали корректироваться повышательными поправочными коэффициентами [Ильиных, 2008. С. 29–30]. В статсборниках конца 1920-х гг. поправки на недоучет стали вводиться и в сведения о поголовье скота (минимальные по лошадям и коровам, более высокие по мелкому скоту). Так, принятые Центральным статистическим управлением (ЦСУ) поправочные коэффициенты для Сибири за 1927 г. составляли по КРС 3%, по овцам и козам – 6, по свиньям – 20%².

Величина поправок определялась качеством проведения переписи и степенью репрезентативности выборки. Но мы также не исключаем, что на размеры недоучета в ходе переписей 1920-х гг. стали оказывать влияния изменения в социальной психологии крестьян, которые в советских условиях предпочитали публично не поправлять «показания» своих односельчан.

Помимо крестьянских хозяйств, производством сельхозпродукции занимались государственные и кооперативные хозяйства. Их основными формами были соответственно совхозы и колхозы. Вклад государственного и кооперативного секторов экономики в сельхозпроизводство на протяжении 1920-х гг. постоянно менялся, но в целом был незначительным. Учет количественных показателей развития совхозов и колхозов осуществлялся на основе ведомственной отчетности. В конце 1920-х гг. в связи с принятием ВКП(б) курса на производственное кооперирование сельского хозяйства активизировался статистический мониторинг коллективных хозяйств. В 1928 и 1929 гг. ЦСУ СССР совместно с Колхозцентром провели сплошные обследования колхозов.

Статистический мониторинг в условиях форсированной коллективизации

В конце 1929 г. большевистский режим принял решение о переходе к форсированной коллективизации. Пятого января 1930 г. ЦК ВКП(б) поставил задачу завершить ее в основном в главных зерновых районах «осенью 1930 г. или во всяком

² Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923–1927 гг.: [стат. сб.]. М., 1930. С. 102–103, 140–141.

случае весной 1931 г.», в других зерновых районах (в том числе в Сибири) – «осенью 1931 г. или во всяком случае весной 1932 г.», в незерновых районах – к весне 1933 г.³ Параллельно с коллективизацией разворачивалось массовое совхозное строительство.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства и народного хозяйства в целом сопровождалась радикальным реформированием системы государственной статистики. В январе 1930 г. ЦСУ СССР, республиканские, краевые/областные и окружные статистические органы упразднили⁴. Их функции передавались плановым комиссиям, в составе которых образовывались экономико-статистические секторы.

Реформа статистических органов определялась комплексом политико-идеологических факторов. Методология земской статистики, на основе которой в условиях нэпа функционировала статистика в СССР, была признана «вредительской», поскольку «препятствовала развертыванию социалистического строительства». Ожидаемая скорая победа социализма, по мнению большевистских теоретиков, вообще делала ненужным внешний статистический мониторинг, его должен был заменить ведомственный учет. Главной задачей создаваемых при плановых комиссиях экономико-статистических секторов, в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1930 г., должна была стать разработка «показателей учета для наблюдения за ходом исполнения» текущих и перспективных планов⁵.

В соответствии с реформой менялась и система сельскохозяйственной статистики. Основным источником количественных данных должны были стать оперативные и годовые отчеты колхозов и совхозов, аккумулируемые в органах управления сельским хозяйством (земельных органах⁶, совхозных трестах, колхозсоюзах). Фиксацию параметров оставшихся единоличных хозяйств планировалось осуществлять в рамках

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 5. С. 72.

⁴ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1930. № 8. Ст. 97.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1930. № 14. Ст. 172.

⁶ Земельные органы – принятое в России (СССР) до начала 1946 г. название государственных органов, в ведение которых входило управление сельским хозяйством.

налогового учета. Таким образом, нужда в массовых комплексных переписях крестьянских хозяйств отпадала.

Однако форсированное реформирование и сельхозпроизводства, и его учета привели к кризису и того, и другого. Весной 1930 г. завершить коллективизацию «в основном» не удалось. Ее уровень, поднявшись к началу марта в СССР до 56%, в Сибири – до 47%, к лету снизился до 24 и 20% соответственно. Вне колхозов в Сибири оставалось 4/5 крестьянских дворов [История советского..., 1986. С. 155, 156].

В результате финансовые органы были вынуждены организовать полный сельскохозяйственный учет не маргинальной, а абсолютно преобладающей социальной группы деревни. Кроме того, в 1930 г. на них возложили статистический мониторинг колхозов и личных приусадебных хозяйств (ЛПХ) колхозников, то есть фактически вне их ведения оставались только совхозы. К такому расширению своих функций финорганы оказались не готовы, что неминуемо отразилось на достоверности собираемых данных. Увеличились масштабы сокрытия облагаемых объектов учета. Трудности возникли с учетом личных хозяйств членов колхозов. Осложнял ситуацию и тот факт, что «общественный» скот из-за отсутствия помещений для его содержания нередко содержался на подворьях у колхозников.

В 1931 г. коллективизация возобновилась. К концу года ее уровень в Сибири и в СССР в целом поднялся до 60% [История советского..., 1986. С. 196]. Уже с середины 1931 г. организационно-производственной основой аграрного сектора стали колхозы, продолжалось интенсивное совхозное строительство.

В социалистических сельхозпредприятиях, по мнению большевистских теоретиков, не должно было возникать никаких проблем с учетом. Однако практика существенно расходилась с теорией. Во многих колхозах отсутствовали работники, способные не то чтобы организовать учет, но даже грамотно заполнить бланки оперативных и годовых отчетов. Составители статистического сборника о колхозном строительстве в СССР годовые отчеты за 1931 г. получили лишь от 31% колхозов Западно-Сибирского края, за 1932 г. – от 52%. В Восточно-Сибирском крае доля колхозов, предоставивших годовые отчеты,

была еще меньше – 24 и 31% соответственно⁷. Не ожидали власти и относительно высокого уровня утайки колхозной собственности. Председатели колхозов стремились скрыть от властей часть общественного имущества, для того чтобы снизить тяжесть налогового-податного обложения хозяйств.

Нужда в объективной информации о развитии экономики вынудила руководство страны начать восстановление системы государственного статистического учета. Девятого мая 1931 г. Совнарком СССР принял постановление «Об организации учетно-статистических работ»⁸, в котором констатировалось «неудовлетворительное состояние» и «крайняя неупорядоченность» статистики и учета в стране. Исправлению ситуации должно было способствовать преобразование экономико-статистического сектора Госплана СССР в сектор народно-хозяйственного учета, работающий на правах самостоятельного управления. Семнадцатого декабря 1931 г. ЦИК и СНК СССР преобразовали сектор в Центральное управление народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР при Госплане СССР⁹. Возглавил ЦУНХУ известный советский экономист В.В. Осинский, который объявил «войну» искажениям информации [Ханин, 2020. С. 21]. Отметим, что Осинский не предлагал возврата к практике статистических обследований периода нэпа, а был последовательным адептом их замены «прямым учетом». При этом он добивался централизации системы народно-хозяйственного учета в стране и сочетал новые методики с традиционными.

ЦУНХУ подчинялись управления народно-хозяйственного учета, создаваемые в республиках, краях и областях. Принципиальное значение для организации сельскохозяйственной статистики на местах имело образование районных инспектур народно-хозяйственного учета. Учетно-статистические органы ведомств обязывались в своей деятельности исполнять директивы и задания органов нархозучета.

Создание центрального и региональных управлений народно-хозяйственного учета способствовало развитию статистических работ в стране. Возобновилось издание статистических

⁷ Динамика колхозов за 1930–32 гг. По материалам годовых отчетов. [М.,] 1934. Л. 2.

⁸ СЗ СССР. 1931. № 28. Ст. 221.

⁹ Там же. № 73. Ст. 488.

сборников, в которых публиковались материалы за предыдущие годы. По примечаниям к помещенным в них таблицам можно судить о методике сбора и обработки материалов статистического мониторинга поголовья скота в 1930 и 1931 гг. в отдельных регионах и стране в целом.

В статсправочнике, изданном Восточно-Сибирским краевым УНХУ в 1932 г., сообщается, что таблица «Количество скота» за 1930 г. и 1931 г. составлена по материалам налогового учета. При этом в сведения за 1931 г. внесены поправки, определенные по результатам контрольных обходов дворов, «проведенных через райисполкомы». Данные о численности скота за 1930 г. «публикуются без всяких поправок, так как в отношении недоучета скота за этот год Крайнархозучет никакими материалами не располагает»¹⁰.

В статсправочнике ЦУНХУ 1932 г. «Народное хозяйство СССР» сообщалось, что сведения о численности скота в совхозах предоставило Совхозобъединение СССР. Данные о поголовье скота в колхозах и индивидуальных хозяйствах за 1930 г. получены при обработке материалов налогового учета. При этом в данные о численности скота в индивидуальных хозяйствах внесены поправки, принятые специальной комиссией ЦУНХУ¹¹. За 1931 г. сведения о поголовье скота в справочнике не приводятся.

Показательным является и распределение публикуемого материала по категориям хозяйств. В восточно-сибирском статсправочнике материалы за 1930 г. группировались по: 1) совхозам; 2) колхозам; 3) единоличным хозяйствам, в которые включались ЛПХ всех категорий населения, за 1931 г. – по: 1) совхозам; 2) колхозам; 3) ЛПХ колхозников; 4) единоличным хозяйствам, включавшим ЛПХ некрестьянского населения. В сборнике «Народное хозяйство СССР» – по: 1) совхозам; 2) колхозам; 3) единоличным хозяйствам, включавшим ЛПХ всех категорий населения.

Соединение отдельных категорий индивидуальных хозяйств в общие группы при презентации статистического материала

¹⁰ Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С. 278.

¹¹ Народное хозяйство СССР: статистический справочник. 1932. М.; Л., 1932. С. 655–656. Размеры поправочных коэффициентов в сборнике не приводятся.

имеет идеологическое и законодательно-фискальное объяснение. На начальном этапе коллективизации приусадебное хозяйство, в том числе так называемое «необобщественное» хозяйство колхозников, воспринималось большевистскими теоретиками как разновидность единоличного и облагалось сельхозналогом как таковое. После провала планов максимального форсирования коллективизации весной 1930 г. ЛПХ колхозников официально признали идеологически приемлемой формой ведения хозяйства на переходный период. В Положении о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 г. ЛПХ колхозников впервые рассматривалось в качестве отдельной облагаемой категории¹². Отличать приусадебное хозяйство рабочих и служащих от единоличного хозяйства налоговое законодательство стало лишь с 1933 г.¹³ До этого считалось, что сознательные рабочие и служащие не должны были вести приусадебное хозяйство.

Вновь образованное ЦУНХУ, помимо обработки ранее собранных материалов, провело крупное самостоятельное обследование, основанное на традиционных (земских) статистических методиках. В начале 1932 г. (по состоянию на 1 февраля) прошла всесоюзная перепись скота, основным методом которой являлся опрос. Перепись проводилась по восьми категориям хозяйств сельской местности: 1) совхозам; 2) хозяйствам потребкооперации (коопхозам); 3) МТС; 4) колхозам; 5) скотозаготовительным и откормочным базам, пунктам предубойного содержания; 6) хозяйствам государственных учреждений и организаций; 7) ЛПХ колхозников; 8) единоличным хозяйствам, включавшим ЛПХ сельского некрестьянского населения, и трем категориям хозяйств городских поселений: 1) хозяйствам государственных учреждений и предприятий, 2) хозяйствам кооперативных и общественных организаций, 3) «частновладельческим» (индивидуальным) хозяйствам¹⁴.

После завершения переписи «при участии актива» были проведены контрольные обходы, охватившие 2% индивидуальных

¹² СЗ СССР. 1931. № 19. Ст. 171.

¹³ Там же. 1933. № 32. Ст. 1886.

¹⁴ См.: Итоги переписи скота на 1 февраля 1932 года. М., 1932. Вып. II: Численность скота по Азиатской части РСФСР, Закавказской СФСР, Узбекской ССР и Туркменской ССР. М., 1932.

дворов. Колхозы и совхозы в рамках переписи не проверяли. По итогам обходов были определены поправки на недоучет. В Западно-Сибирском крае поправочные коэффициенты по рабочим лошадям составляли 0,6%, коровам – 0,5, КРС в целом – 1,1, овцам – 4,5, свиньям – 8,3%¹⁵.

После переписи скота 1932 г. самостоятельные обследования сельского хозяйства органы нархозучета не проводили вплоть до конца 1934 г., но активно участвовали в осуществлении статистического мониторинга другими органами. При этом в совхозах преобладал внутриведомственный учет, в колхозах и индивидуальных хозяйствах поголовье скота фиксировалось в рамках ежегодного июньского налогового учета.

В 1932 г. налоговый учет был осуществлен только по облагаемым сельхозналогом категориям хозяйств. В июне 1933 г. был проведен сплошной учет скота. Финансовые органы учитывали скот в налогооблагаемых хозяйствах (колхозах, ЛПХ колхозников, единоличных и приравненных к ним хозяйствам), органы нархозучета – в необлагаемых, в том числе в городских (совхозах, коопхозах, государственных учреждениях и организациях). Совершенствовалась методика учета. В 1933 г. были разработаны поправки на недоучет по отдельным категориям индивидуальных владельцев и возрастным группам скота. Недоучет молодняка был существенно большим, чем взрослых животных. В Западно-Сибирском крае для колхозников были определены следующие поправочные коэффициенты: по КРС в целом – 3,6, по телятам – 6,3, по овцам и козам – 7, по ягнятам и козлятам – 8,3, по свиньям – 16,6, по пороссятам – 21,5. Для хозяйств, учитываемых как единоличных, поправки по перечисленным видам и группам составляли: 6,2 и 12,1; 17,8 и 26,7; 31,5 и 36,6¹⁶. Помимо июньского учета, по поручению ЦУНХУ, Наркомат земледелия СССР провел дополнительный учет поголовья скота по состоянию на 1 января 1934 г. в индивидуальных хозяйствах сельских местностей¹⁷.

¹⁵ Предварительные итоги переписи скота на 1 февраля 1932 года. М., 1932. С. 5, 55.

¹⁶ Численность скота в СССР. Окончательные итоги июньского учета скота 1934 года. М., 1934. С. 99, 100.

¹⁷ Правда. 1934. 22 апр.

Переход к учету

В марте 1934 г. в «Правде» появилась серия заметок, в которых фиксировался значительный недоучет скота в различных регионах страны, а в конце месяца вышла обобщающая редакционная статья «Учет поголовья скота предоставлен самотеку». В ней на примере ряда районов Азово-Черноморского края было показано, что данные поголовья скота летнего учета меньше, чем его реальная численность. Вина за это возлагалась на ЦУНХУ. «Центральное управление народно-хозяйственного учета с олимпийским спокойствием выдает путаную и подчас вредительскую цифирь за точные данные о состоянии поголовья».

Руководитель ЦУНХУ В. В. Осинский с критикой не согласился и 22 апреля в газете выступил с ответной статьей «Об учете скота и однобокой критике его на страницах “Правды”». В ней предъявленные обвинения были названы «неправильными и бездоказательными». Учет скота проводят не органы нархозучета, а финансовые органы. Недоучет скота есть. Но ЦУНХУ вносит в региональные и общесоюзные данные поправочные коэффициенты, рассчитанные по репрезентативной методике. За «цифры» по сельским районам управление ответственности не несет.

Реакция «Правды» была оперативной. В следующем номере газеты (23 апреля) помещается просторная редакционная статья «Об учете скота и фокусах т. Осинского». Ее основное содержание сводится к следующим положениям.

1. Учет скота в стране организован неудовлетворительно.
2. Обнародованные ЦУНХУ сведения о численности скота в 1933 г. преуменьшены.
3. Органы нархозучета не помогают сельсоветам «поставить» первичный учет. Отсутствуют порайонные данные о поголовье. «ЦУНХУ ничего не сделано, чтобы привлечь к этому вопросу нашу общественность».
4. Для определения поправочных коэффициентов применяется несовершенная методика.

«Правда» призвала ЦУНХУ «пересмотреть свои методологические приемы» и «очистить» низовой аппарат от «чуждых людей». Органам нархозучета «нужны не люди-арифмометры, а сознательные, умеющие политически

ориентироваться работники». В статье был также сформулирован «совет» Осинскому: «поменьше фокусов», используемых для доказательства своей правоты, «побольше самокритики».

В. В. Осинский не внял «совету» и 26 апреля в газете ответил статьей «Дымовая завеса редакции “Правды” и действительность». «Правда» вновь поместила свой редакционный комментарий на следующий день (27 апреля). Оппонент обвинялся в том, что он «замазывает и скрывает безобразия» в учете скота, а его реакция на критику продиктована «уязвленным самолюбием».

Точку в затянувшейся полемике поставил ЦК ВКП(б), 16 мая 1934 г. приняв постановление «О статистике животноводства и дискуссии в “Правде”»¹⁸. Указав на недопустимость использованных редакцией газеты в отношении В. В. Осинского ярлыков, ЦК тем не менее признал, что «существующая система учета не дает достоверных данных о наличном поголовье». «Налоговый учет Наркомфина, сокращенный для целей обложения», не полон, особенно в отношении молодняка и скота в городских поселениях. Проведенный Наркомземом учет поголовья на 1 января 1934 г. «был построен на основе сообщений держателей скота сельсовету <...> и проведен крайне неудовлетворительно». Осуществляемые органами нархозучета контрольные обходы охватывают лишь 1,5–2% хозяйств, проводятся «неудовлетворительно» и недостаточны для определения достоверных поправок на недоучет.

ЦК ВКП(б) предложил ЦУНХУ «обеспечить повышение качества» июньского учета 1934 г., «охвата им скота всех возрастов и организацию контрольной проверки, а также проведения учета скота в необлагаемых Н[ар]К[оматом] Ф[инансов] хозяйствах». ЦУНХУ также обязывалось провести перепись скота по состоянию на 1 января 1935 г., охватив ею все категории хозяйств. Одновременно с переписью надлежало осуществить контрольный обход 10% хозяйств.

Директивы ЦК были выполнены. Летний учет скота 1934 г., который в связи с необходимостью корректировки программы перенесли с июня на июль, был признан успешным. По мнению В. В. Осинского, он стал «наилучшим и наиболее точным летним

¹⁸ Правда. 1934. 17 мая.

учетом скота, который вообще когда-либо производился у нас»¹⁹. В его осуществлении активное участие принимали региональные и районные партийные и советские органы. «Общественное» (колхозно-совхозное) стадо было предварительно «проверено в натуре». Первичные бланки опроса индивидуальных хозяйств рассматривались на публичных заседаниях налоговых комиссий или на общих собраниях граждан. Во всех регионах после завершения учета органы нархозучета провели контрольные обходы, охватившие 10–12% «необобщественного» стада, а финансовые органы – свою 10%-ю проверку. «В очень большом числе районов при обнаружении значительного недоучета и утайки производились сплошные повторные учеты»²⁰. Качество проведения учета привело к тому, что поправки на недоучет скота, принятые по его итогам, снизились. В Западно-Сибирском крае они составляли для ЛПХ колхозников: по КРС – 2,5, по овцам и козам – 4,7, по свиньям – 12,3; для единоличных дворов – 5,2, 8,2 и 13,9 соответственно²¹.

Июльский учет 1934 г. проводился по семи категориям хозяйств: 1) колхозам; 2) ЛПХ колхозников; 3) единоличным хозяйствам, включавшим ЛПХ некрестьянского сельского населения; 4) совхозам; 5) коопхозам и сельхозпредприятиям отделов рабочего снабжения (ОРСов); 6) «прочим организациям и учреждениям»; 7) «индивидуальным держателям скота в городах»²².

В начале 1935 г. ЦУНХУ провело Всесоюзную перепись скота (на 1 января). Обязательным условием переписи скота в хозяйствах социалистического сектора являлось их личное посещение «обследователями». Скот, принадлежащий индивидуальным владельцам, подсчитывали не «анкетным порядком» (методом заполнения переписного бланка в сельсовете со слов владельца скота), а путем пересчета скота в каждом хозяйстве. Следует отметить, что работники, осуществлявшие подворный учет, в отличие от предыдущего периода, официально

¹⁹ Численность скота в СССР. Окончательные итоги июльского учета скота 1934 года. М., 1934. С. 3.

²⁰ Там же.

²¹ Итоги переписи скота на 1 января 1935 года в Западно-Сибирском крае. Новосибирск, 1935. Вып. первый. С. 12.

²² См.: Численность скота в СССР. Окончательные итоги июльского учета ...

стали называться не переписчиками, а регистраторами. При подворном обходе их сопровождали представители сельсоветов/горсоветов. Несмотря на сплошной учет, в индивидуальном секторе были проведены контрольные обходы (в Западно-Сибирском крае 12,5% дворов колхозников, 13% единоличных хозяйств и 9,1% хозяйств рабочих и служащих), осуществление которых возлагалось на более квалифицированных и «политически проверенных» регистраторов (активистов районного уровня, инспекторов нархозучета). Проверки также проводились в колхозах и совхозах.

Если в ходе проверки выявлялись массовое укрытие скота или недобросовестная работа регистраторов, проводилась повторная перепись. При этом виновные привлекались к уголовной ответственности. Поправки на недоучет стали еще меньше. В Западно-Сибирском крае они составляли для ЛПХ колхозников: по КРС – 1,8, по овцам и козам – 4,4, по свиньям – 6,3; для единоличных дворов – 2,4, 6,4 и 6,9 соответственно²³.

Начиная с январской переписи 1935 г. в Сибири отдельно учитывалось поголовье скота у рабочих и служащих сельской местности (в ряде других регионов – с июньского учета 1934 г.). Ранее эта группа объединялась с единоличниками. Помимо нее перепись проводилась еще по 13 категориям хозяйств, в том числе по совхозам, сельхозпредприятиям ОРСов, коопхозам, колхозам, ЛПХ колхозников, единоличным хозяйствам сельских местностей, индивидуальным держателям скота в городских поселениях и др.²⁴

Перепись фактически приняла характер хозяйственно-политической кампании. В Западно-Сибирском крае непосредственное участие в ней в качестве регистраторов, «обследователей крупных животноводческих хозяйств», бригадиров контрольных обходов приняло участие 8,5 тыс. чел., 10% из них были членами ВЛКСМ, 20% – членами ВКП(б). Наибольшей величины партийно-комсомольская прослойка достигала среди бригадиров контрольных обходов (42% коммунистов и 17% комсомольцев). Совпадение переписи

²³ Итоги Всесоюзной переписи скота на 1 января 1935 г. М., 1935. Т. 1: Численность скота в СССР. С. 5, 12; Итоги переписи скота на 1 января 1935 г. в Западно-Сибирском крае. Вып. 1. С. 11.

²⁴ Итоги Всесоюзной переписи скота на 1 января 1935 г. Т. 1. С. 222.

по времени со школьными каникулами позволило привлечь к ее осуществлению учителей. Их удельный вес в общем числе переписных работников составлял 25%, 19% были работниками районных органов, 6% – учащимися, 5% – агрозоотехническими работниками, 10,5% – секретарями сельсоветов, 12% – счетоводами колхозов²⁵. В сельсоветах, колхозах и совхозах из представителей общественных организаций создавались бригады содействия. Они помогали переписчикам получать более проверенные данные, вели разъяснительную работу среди населения.

Схема организации статистического мониторинга поголовья скота, апробированная в 1934/35 г., была воспроизведена в течение последующих двух лет. В июне 1935 и 1936 гг. прошли учетные кампании, в начале 1936 и 1937 гг. – переписи. С 1937 г. лица, непосредственно проводившие перепись, стали официально называться счетчиками, что знаменовало собой окончательное превращение переписи-опроса в перепись-пересчет.

Совершенствование методики статистического мониторинга приводило к дальнейшему снижению размеров поправочных коэффициентов. Уже по итогам июньского учета скота 1935 г. был сделан следующий вывод: «Минимальные размеры поправок на недоучет скота в текущем году позволяют районным организациям пользоваться непосредственными данными учета скота по каждому конкретному сельсовету, колхозу и предприятию. В результате всей проведенной работы по учету скота летом 1935 г. получены надежные данные о его численности»²⁶. По итогам обработки материалов переписи скота на 1 января 1935 г. поправки на недоучет скота в Западно-Сибирском крае составляли для ЛПХ колхозников: по КРС – 0,9, по овцам и козам – 1,8, по свиньям – 2,9; для единоличных дворов – 2,3, 3,5 и 4,4 соответственно²⁷. В материалах переписи скота на 1 января 1938 г. в Алтайском крае были внесены следующие поправки: для ЛПХ колхозников по КРС – 0,4, по овцам – 1,0, по свиньям – 1,6; для единоличных дворов – 0,4, 1,5 и 3,0²⁸.

²⁵ Итоги переписи скота н 1 января 1935 г. в Западно-Сибирском крае. С. 10.

²⁶ Численность скота в СССР: итоги июньского учета скота 1935 года. М., 1935. С. IV.

²⁷ Численность скота в СССР (Итоги Всесоюзной переписи скота на 1 января 1936 г.). М., 1936. С. 800–803.

²⁸ Численность скота в СССР. (Итоги Всесоюзное переписи скота на 1 января 1938 г.). М., 1938. С. 536.

С 1937 г. летний учет скота не проводился. Ранее его организацией в основном занимались финансовые органы, главной целью которых был учет объектов обложения сельскохозяйственным налогом. Параллельно они также были обязаны учитывать необлагаемый скот в колхозах и индивидуальных хозяйствах. С 1933 г. сельхозналог с ЛПХ колхозников стал взиматься по твердым ставкам, которые от количества скота в хозяйстве не зависели. Рабочие и служащие, имеющие приусадебное хозяйство в размерах, не превышающих уставных норм для колхозников, от уплаты налога вообще освобождались. В 1936 г. сельхозналог с колхозов заменили подоходным налогом²⁹. Учет поголовья скота для определения его размеров также не требовался.

К лету 1937 г. объектом обложения сельхозналогом оставались лишь единоличные хозяйства, число которых значительно сократилось. Уровень коллективизации в Западной Сибири вырос с 67% в июле 1934 г. до 94% в июле 1937 г. [История советского..., 1986. С. 314]. Проведение июньского учета скота для Наркомфина фактически стало непрофильным занятием, и он добился его отмены. Руководство страны посчитало, что получить необходимую информацию о динамике поголовья скота можно в рамках переписей.

В начале 1938 г. прошла очередная перепись скота. В 1939 г. ее не было (вероятно, в связи с занятостью работников нархозучета Всесоюзной переписью населения), но в начале 1940 и 1941 гг. переписи скота возобновились. Принципиальных изменений в методике учета поголовья скота в конце 1930-х гг. не происходило. Наиболее значимой новацией было сокращение категорий хозяйств, которые фиксировались переписями. Так, перепись 1941 г. проводилась по семи группам скотовладельцев: 1) государственные и кооперативные хозяйства; 2) колхозы; 3) ЛПХ колхозников; 4) единоличные хозяйства сельских местностей; 5) хозяйства рабочих, служащих и прочих категорий сельского населения; 6) индивидуальные владельцы в городских поселениях; 7) государственные и общественные предприятия, организации и учреждения³⁰.

²⁹ СЗ СССР. 1933. № 32. Ст. 1886; 1936. № 40. Ст. 340.

³⁰ Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1821. Л. 116.

Обобщающие материалы мониторинга поголовья скота в 1930-е гг. были опубликованы на страницах общесоюзных статсборников. Они позволяют репрезентативно выявить основные этапы развития животноводства в Сибири в исследуемое десятилетие. Следствием форсированной коллективизации стал глубокий кризис отрасли. Численность крупного рогатого скота на территории Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев (в границах 1933 г.) к лету 1932 г. снизилась по сравнению с июнем 1929 г. в 2,1 раза, коров – в 1,8, овец и коз – в 3,4, свиней – в 3,3 раза. В 1933 г. началось восстановление поголовья. В июле 1934 г. в тех же территориальных рамках КРС стало на 24%, коров – на 9, овец и коз – на 23, свиней – на 109% больше, чем в июне 1932 г.

За 1935–1937 г. численность крупного рогатого скота в Сибири (в территориальных рамках 1938 г.) выросла на 31%, коров – на 21, овец и коз – на 61, свиней – на 21%. В эти годы быстрее росло поголовье в личном секторе аграрной экономики, который занял ведущие позиции в животноводстве. В начале 1938 г. в ЛПХ населения региона содержалось 48,6% КРС, 50,3% коров, 34,2% овец и коз, 58,2% свиней, в колхозах – 40,1, 31,7, 48,6 и 29,2% соответственно, в государственном секторе – 10,1, 8,7, 11,4 и 11,2%.

В 1939 г. началась кампания по ограничению размеров ЛПХ, следствием которой стало снижение их производственного потенциала. «Общественное» животноводство в полной мере компенсировать данные потери не смогло. В итоге в 1938–1940 гг. поголовье КРС во всех категориях хозяйств Сибири уменьшилось на 8%, свиней – на 21%, коров – осталось фактически неизменным, а овец и коз – увеличилось на 25%³¹.

Таким образом, отказ советского руководства в начале 1930-х гг. от основанной на принципах земской статистики государственной статистической организации привел к существенному ухудшению качества мониторинга сельского хозяйства. Систему статистического учета поголовья скота,

³¹ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935 г. М., 1936. С. 517–518; Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: Стат. сб. М.; Л., 1940. С. 17, 19, 28, 36, 37, 50, 54; Численность скота в СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 11, 18, 26, 34, 49.

которая могла достаточно объективно отразить их динамику и сдвиги в организационно-производственной структуре, удалось наладить лишь во второй половине 1930-х гг. Базовыми методами мониторинга стали ведомственный учет и регистрация.

Советская статистика второй половины 1930-х гг. в части определения динамики поголовья скота, по нашему мнению, была достоверной и репрезентативной. Утайку части скота от государственного учета в полной мере искоренить не удалось, но ее масштабы существенно снизились и в достаточной степени учитывались при обработке первичных данных. Одним из показателей завершения очередного этапа развития советской статистики стало преобразование в марте 1941 г. ЦУНХУ в Центральное статистическое управление Госплана СССР.

Литература

Ильных В. А. Динамика посевных площадей в Сибири в 1917–1929 гг.: источники реконструкции // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 29–30.

Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. III. 783 с.

История советского крестьянства. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. [кол. моногр.] / Ответ. ред. И. Е. Зеленин. М.: Наука, 1986. 448 с.

Обложение сельского хозяйства Сибирского края в 1927–28 году. Новосибирск, 1928. 54 с.

Ханин Г. И. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. 430 с.

Статья поступила 25.05.2020.

Статья принята к публикации 15.06.2020.

Для цитирования: *Ильных В. А.* Статистический мониторинг животноводства в Сибири в 1930-е гг. // ЭКО. 2020. № 11. С. 174–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-174-192.

Summary

P'inykh, V.A., Doct. Sci. (Hist.), Institute of History, SB RAS, Novosibirsk
Statistical Monitoring of Livestock Production in Siberia in the 1930s.

Abstract. The author reconstructs the statistical monitoring system of main livestock types of farm animals in Siberia in the 1930s. In the previous decade, the main technique of livestock estimation was selective agricultural census. Census was conducted by the method of survey. In the early 1930s, the state statistical organization based on principles of zemstvo statistics was rejected. External monitoring by statistical services was replaced by departmental accounting. It has

been established that radical restructuring led to a significant deterioration in the quality of livestock statistics. A livestock monitoring system, which objectively reflected its dynamics and shifts in the organizational and production structure, was established in the second half of the 1930s. The main way to determine the quantitative parameters of livestock farming was through continuous censuses of livestock. Censuses were carried out by the method of counting farm animals in each agricultural enterprise and individual farm. It is concluded that Soviet statistics in the second half of the 1930s was reliable and representative in determining the dynamics of livestock.

Keywords: *agriculture; collectivization; state statistics; livestock farming; history of statistics; Siberia*

References

History of the Soviet peasantry. (1986). Vol. 2: Soviet peasants during the period of socialist reconstruction of the national economy. Late 1927–1937 Moscow, Nauka Publ., 448 p. (In Russ.).

Il'inykh, V. (2008). Dynamics of sown areas in Siberia in 1917–1929: sources of reconstruction. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. No. 2. Pp. 28–32. (In Russ.).

Khanin, G.I. (2020). Selected Works. Vol. 1. Moscow, KMK Scientific Press. 430 p. (In Russ.).

Taxation of agriculture in the Siberian region in 1927–1928. (1928). 54 p. (In Russ.).

The Encyclopedia of Siberian History. (2009). Vol. 3. Novosibirsk, Siberian Historical Heritage Publishing House. 783 p. (In Russ.).

For citation: Il'inykh, V.A. (2020). Statistical Monitoring of Livestock Production in Siberia in the 1930s. *ECO*. No. 11. Pp. 174-192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-174-192.